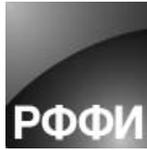

«ОН ВЕСЬ,
КАК БОЖИЯ ГРОЗА»:
ОБРАЗ ПЕТРА I
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ

Под редакцией
О. С. Кругликовой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46
О 58

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-42018*

О 58 «Он весь, как божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О. С. Кругликовой. – СПб.: Алетейя, 2022. – 562 с. : ил.

ISBN 978-5-00165-566-4

Коллективом авторов предпринята попытка комплексного анализа образа первого русского императора, который сложился на страницах русской дореволюционной журналистики. Соединяя академическое сообщество и массового читателя, журналистика всегда была основной средой формирования и закрепления исторической памяти. При этом фрагментарность изложения, стремление к упрощению, высокий полемический накал были естественны для журналистского текста, и породили противоречивые интерпретации государственной деятельности Петра I. Образ Петра I, став в XIX в. инструментом политической журнальной полемики и даже предметом карикатуры, приобретал все более символическое значение, порождая, наряду с глубокими оценками, множество публицистических клише. Изучению того, как формировалась в словесных и изобразительных жанрах дореволюционной журналистики историческая память о первом русском императоре, посвящена эта книга.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00165-566-4

9 785001 655664

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

3.2.1 Бюрократия - к истории возникновения и использования слова в русском общественном диалоге

История слова «бюрократия» в русском языке поистине удивительна: при том, что «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует такие вполне привычные для нас из различных документов, исторических романов и фильмов слова, как «волокита»¹, «канцелярский» («канцелярским слогом, как будто недавно из крючкотворцев»)² и «крючкотворство»³, в текстах XVIII в. слово «бюрократия» отсутствует, т.е. как явление российской действительности она безусловно присутствовала, однако называлась иначе. Более того, нет слова «бюрократия» и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Первая словарная фиксация относится к «Энциклопедическому лексикону» Плюшара (1836), в котором лексема французского происхождения приводится без определённого значения по причине новизны понятия даже для самих французов (и немцев как их ближайших соседей), однако следует перечисление свойств бюрократии: злоупотребление властью, умножение форм письменоводства, избыточная внимательность к частностям в ущерб целому, цикличность и медлительность документооборота, а также отмечается «до некоторой степени подобное значение» прекрасно знакомому всем читателям слову «волокита». Однако заимствование быстро распространилось, и уже в словаре В. И. Даля, а затем и в практически всех последующих словарях всё его словообразовательное гнездо имеет отчетливо негативное толкование значения и соответствующие стилистические пометы⁴.

¹ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. С. 41–42.

² Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1997. Вып. 9. С. 239.

³ Также «крючковатый», «крючкодей», «крючкописец», «крючкотвор(ец)», «крючкотворить», «крючкотворствовать» и, конечно, «крючок» в приложении как к создаваемым уловкам и помехам, так и к тем, кто их создаёт (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2000. Вып. 11. С. 57–58).

⁴ Фролова О. Е. Имена власти // Русская речь. 2010. № 4. 41–51.

Одним из первых в России о бюрократии написал в 1841 г. Ф. В. Булгарин в очерке «Управление именем»¹: «Многие упрекали Наполеона за то, что он завел так называемую бюрократию, т.е. чиновничество, и распространил переписку до высшей степени» – внимание обращают на себя как местоименное сочетание «так называемый», показывающее новизну заимствованного понятия для пишущего, так и пояснение «бюрократии» как «чиновничества»: понимавший по-французски читатель вполне мог разделить слово на составные и получить «власть столов для делопроизводства», однако Булгарин подобрал русскоязычный аналог, который, как представляется, пояснял слово больше ассоциативно, чем по прямому значению².

Как показывают примеры, бюрократия как чрезвычайно удачное понятие было подхвачено и распространилось в обществе со скоростью цепной реакции, причём сразу с вполне определённым – негативным – осмыслением. Принять бюрократию и пощадить её вербально было решительно невозможно, как ранее невозможно было щадить крючкотворство и бесконечные проволочки. Привлечь бюрократия могла лишь неискушенного человека – такого, например, как 19-летний Владимир Бельтов из романа А. И. Герцена «Кто виноват?», которому поначалу понравилась «бюрократия хлопотливая, занятая, с нумерами и регистратурой, с озабоченным видом и кипами бумаг под рукой; он видел в канцелярии мельничное колесо, которое заставляет двигаться массы людей, разбросанных на половине земного шара, – он все поэтизировал», однако уже через полгода прежнее очарование окончательно спало, герой ужаснулся духоте бюрократической атмосферы и оставил службу.

---

¹ Здесь и далее примеры приводятся по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

² Впрочем, сорок лет спустя В. А. Гольцев также употребит эти слова через запятую: «Такие люди созданы для общественной деятельности, для борьбы за идею, но они были лишены права такой деятельности, их место заступил искусственно созданный класс, – чиновничество, бюрократия» [В. А. Гольцев. Внутреннее обозрение [август] // Русская мысль. 1880].

Не дублируя разыскания О. С. Кругликовой¹, отметим две отдельные составные семантического ореола бюрократии:

1. Резко негативная оценка «нового старого» явления и откровенная ирония в его адрес: «Хотеть управлять народом посредством одной бюрократии, без содействия самого народа, значит в одно и то же время угнетать народ, развращать его и подавать повод бюрократам к бесчисленным злоупотреблениям» [А. В. Никитенко. Дневник (1844)]; «эти бюрократические геркулесовские подвиги пережили его <М. М. Сперанского> и воплотились в некоторых из новейших государственных деятелей»² [П. А. Вяземский. Старая записная книжка (1830–1870)]; «бедный труженик, кроткая жертва свирепой бюрократии!» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)]; «Вообще я чувствую непреодолимое отвращение к бюрократии, к чиновничеству, к этому пошлому туеядству, называемому гражданской службой» [Н. И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856)]; «бюрократизм одурел и загнал народ» [П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852–1874)]; «в Австрии есть еще правительство, есть дипломатия, есть бюрократия, враждебная искони России» [М. П. Погодин. Записки о политике России (1853–1854)]; «бюрократическое поприще, которое так гостеприимно призирает всех не имеющих приюта и нравственно окалеченных» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Два отрывка из «Книги об умирающих» (1857–1865)]; «успела возникнуть у нас, утвердиться и опутать всю Россию в свои сети алчная, развратная и невежественная бюрократия, которая, втиснувшись между царем и народом, под благовидным предлогом преданности государю и охранения его престола искусственно поддерживает разрыв между ним и позорно угнетенной страной... От

¹ См. параграф 3.2.2 настоящей монографии.

² Именно эту цитату можно считать первым упоминанием бюрократии по данным НКРЯ, однако маловероятно, что прилагательное появилось в данном случае позже существительного; кроме того, эта часть «Старой записной книжки» относится к 1854–1855 гг.

Ср. в «Записках» Ф. Ф. Вигеля: «В кабинете Сперанского, в его гостиной, в его обществе в это самое время зародилось совсем новое сословие, дотоле неизвестное, которое, беспрестанно умножаясь, можно сказать, как сеткой покрывает ныне всю Россию, – сословие бюрократов».

бюрократии, этого непослушного органа воли государя, этого врага и ему и России, всего дурного ожидать можно» [К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин. Письмо к издателю (1858)]; «умственные тундры наших бюрократов» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе (1859–1862)]; «Эти мрачные демоны называются: централизация, регламентация, бюрократия, государство» [Б. Н. Чичерин. Различные виды либерализма (1861)] и мн. др.

2. Доминирование различных способов выражения отрицания при разговоре о бюрократии: «И каждый день, каждый час, и сегодня и завтра, и целый век, бюрократическая машина работает стройно, непрерывно, без отдыха, как будто нет людей, – одни колеса да пружины» [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]; «Вообще мы не принадлежим к числу приверженцев бюрократии; мы думаем, что она вовсе не способна ни понимать истинных интересов земства, ни тем менее управлять ими таким образом, чтобы это управление имело результатом действительную для дела пользу» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Статьи (1856–1860)]; «Официальными мерами, бюрократическими распоряжениями нет возможности привязать к себе народонаселение» [Б. Н. Чичерин. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России (1859)]; «Честные натуры не могли мириться с бюрократическою грязью и крепостническим произволом – этими двумя язвами их современного общества» [А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе (1860–1877)]; «При бюрократическом порядке совершенно бесполезны ум, знание, опытность людей, которым поручено дело» [Н. Г. Чернышевский. Письма без адреса (1862)]; «Приведенные нами факты и тысячи других дают, как всякому понятно, решительный ответ на поставленный вопрос: справедливо управлять страню бюрократическим, канцелярским способом невозможно» [В. А. Гольцев. Внутреннее обозрение [ноябрь] // Русская мысль. 1880] и т.п.

Приведённые примеры демонстрируют, что смысловое наполнение понятия «бюрократия» было вполне одинаковым у абсолютного большинства разных людей в разное время, и политические убеждения не играли при этом существенной роли:

от бюрократии равно страдали западники и славянофилы, сторонники реформ и их противники, простолюдины и дворяне (вероятно, отчасти страдали от неё и некоторые бюрократы). Более того, Н. Г. Чернышевский в рассуждениях о решении крестьянского вопроса намекал на бессилие перед бюрократией даже самого государя, уловленного чиновничьей сетью: невозможность полноценно совершить даже благое дело «произведена силою бюрократического порядка, против которой ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе всего управления» [Письма без адреса (1862)]. А. И. Герцен указывал на синтетичность общественного устройства России, которое представляло собой крайне специфичный конгломерат старого и нового, своего и чужого: «Тяжелые и неповоротливые бояры и князья наперерыв старались походить на капралов и берейторов, германский бюрократизм обогащался византийским раболепием, а татарская нагайка служила превосходным пополнением шпицрутенов» [Русские немцы и немецкие русские (1859)].

Таким образом, в общественном диалоге XIX в. бюрократия практически мгновенно заняла почётное место общего зла, опутавшего своими сетями всю Россию, нелюбовь же к этому явлению стала общим местом в рассуждениях прогрессивно мыслящей части общества; однако нетрудно заметить, что ни осуждение, ни сатира, ни иная форма критики, ни какие-либо преобразования ничего не смогли сделать с ней и по сей день. Показательно при этом, что лишь немногие деятели XIX в. отваживались заглядывать вглубь истории российской бюрократии: в рассмотренных нами примерах только А. И. Герцен глухо указывал на попытки бояр и князей превратиться в капралов и берейторов – разумный читатель вполне понимал, когда начались эти попытки и кто был их инициатором, но историософская позиция публициста относительно петровских реформ всё же не позволила ему развить свою мысль. Впрочем, в России бюрократия существовала и до Петра, а название её тем или иным словом затрагивало более внешнюю сторону вопроса, нежели его суть.